

стр. 73—объ устрицѣ), то можно покончить съ вопросами размноженія.

Но значительная часть книги посвящена вопросу объ онанизмѣ, и эта часть, пожалуй, еще противище первой. Господь полагалъ, что человѣкъ благодаря своей рукѣ можетъ безконечно возвыситься надъ животными. Но какъ это ни странно (дѣйствительно, странно!), нѣкоторые люди злоупотребляютъ своими руками и чрезъ ихъ посредство падаютъ ниже уровня самыхъ низшихъ животныхъ... Они поступаютъ такъ, когда дѣлаютъ предметомъ забавы свои половые органы, вслѣдствіе чего они возбуждаются и находятъ въ этомъ мимолетное удовольствіе" (стр. 111) и т. д. на многихъ страницахъ. Странно сказать, но человѣкъ есть единственное животное, которое постоянно и упорно развращаетъ и оскверняетъ свое тѣло; и это было бы ему невозможно дѣлать, если бы Господь не даровалъ ему руки, которую Онъ предназначилъ, конечно, не для этого" и т. д. (стр. 108).

Для какихъ дѣтей предназначается это чтеніе? Если эту книгу прочтеть мальчикъ, не знающій онанизма, то она его только введетъ въ соблазнъ, потому что "мимолетное удовольствіе" для него понятіе, чѣмъ опасеніе того, что когда-нибудь дѣти его будутъ идиотами. Если дать эту книгу мальчику, уже познавшему "мимолетное удовольствіе", то для него, конечно, будущіе страхи никакъ не покажутся убѣдительнѣе реального удовольствія, хотя и мимолетнаго.

Но самое интересное во всемъ этомъ то, что на самомъ дѣлѣ вредъ онанизма чрезвычайно преувеличенъ и въ книгѣ Столла и въ воображеніи нѣкоторыхъ рецензентокъ, и, конечно, такой авторитетъ, какъ профессоръ В. Бехтеровъ, давшій сочувственный отзывъ "о книжѣ Столла, могъ бы наилучше пролить свѣтъ на преувеличенность страховъ мистера Столла.

Не знаю, насколько убѣдительно удалось мнѣ охарактеризовать книгу Столла, но надѣюсь, что, прочитавши самую книгу, русскій читатель поддержитъ мое мнѣніе, что эту книгу слѣдуетъ отнести не къ серіи книгъ подъ названіемъ: "Истина и щѣломудріе", а скорѣе къ книгамъ, заслуживающимъ названія: "Вздоръ и лицемѣріе".

Викторъ Вальтеръ.

А. Богдановъ. Культурные задачи нашего времени. Изд. Дороватовского и Чарушникова. Москва. 1911 г. Ц. 60 коп. — Читатели помнятъ, навѣрно, жантильного помѣщика изъ комедіи "Лѣсь" Островскаго. Помѣщикъ этотъ

стоитъ при Раисѣ Павловнѣ Гурмыжской въ качествѣ поэтическаго "вдохновителя". Это выражается въ томъ, что онъ произносить постоянно одну и ту же фразу или, точнѣе, начало фразы:

— Раиса Павловна, все высокое и все прекрасное!..

Этотъ жантильный помѣщикъ все время вспоминался мнѣ, когда я читалъ книжку, заглавіе которой поставлено выше. Г-нъ А. Богдановъ въ этой книжкѣ играетъ ту же роль, что и "эстетический" персонажъ Островскаго, — только, къ сожалѣнію, г. Богдановъ хочетъ выполнять эту роль не при уѣздной дамѣ, а при... российскомъ, — если даже не міровомъ, — proletariatѣ. На всемъ протяженіи 91-хъ страницъ своей "новой" книжки г. Богдановъ, въ сущности, не выясняетъ ни одного изъ тѣхъ понятій, съ коими онъ оперируетъ, и ограничивается повторяемыми на разные лады взлохами на тему объ "истинно-пролетарской науки", "истинно-пролетарской философіи", "искусствѣ", культурѣ.

— Раиса Павловна, т.-е. виноватъ, товарищи-пролетаріи! Все высокое и все прекрасное!..

Слово "новая" (книжка) выше я поставилъ въ кавычкахъ потому, что эта книжка представляетъ собою, на дѣлѣ, лишь обзоръ прежнихъ сочиненій и статей г. Богданова, сдѣланній имъ, такъ сказать, "съ птичьего дуазо". Объясняется это тѣмъ, что авторъ, повидимому, самъ очень плохо разграничиваетъ тѣ различные предметы, о которыхъ онъ пишетъ въ различное время и, въ итогѣ, все у него спутывается въ какую-то умственную неразбериху, все у него — "едино".

Собравшись писать о "пролетарской культурѣ", г. Богдановъ, оказывается, не въ состояніи даже дать опредѣленіе этого понятія и ограничить ясно тему, сюжетъ своей книжки. Сперва "культура" у него это — "вся сумма" пріобрѣтеній, материальныхъ и нематериальныхъ, которая сдѣланы человѣчествомъ въ процессѣ труда и которая возвышаютъ и облагораживаютъ его жизнь (значить все "высокое и все прекрасное"!), давая ему власть надъ стихійной природою (а еще, вѣроятно, бываетъ природа нестихійная! Г. А.) и надъ самимъ собою*. Опредѣленіе это нѣльзя, ибо внутренне противорѣчиво: далеко не всѣ "пріобрѣтенія" "облагораживаютъ" жизнь "человѣчества", какъ известно, ибо человѣчество само не есть что-то единное, и многія пріобрѣтенія, возвышая одни

элементы „человечества“, у них же и другие его „элементы“. Если считать „культурой“ только то, что „благорождает“, то такая выражение, какъ „крепостная культура“, теряютъ смыслъ, между тѣмъ, съ историческо-классовой точки зрения они вполнѣ законны.

Далѣе, г. Богдановъ „суживаетъ“ свое определеніе культуры и сводить ее къ „духовной культурѣ“, но и здѣсь определеніе остается безбрежнымъ, ибо „духовная культура“ у г. Богданова, это — „мировоззрѣніе, художественное творчество, этическая, политическая отношенія и т. п.“ (?) — „то, что всего точнѣе (!) обозначается, какъ „идеология“. общественное сознаніе людей“. По мнѣнію г. Богданова, такой смыслъ понятія „культура“ (т. е. равенство „идеологии“) является „наиболѣе общепринятымъ“ (кѣмъ, когда? Г. А.). Законность сведенія „культуры“ къ „идеологии“ г. Богдановъ мотивируетъ еще однимъ весьма темнымъ доводомъ, заключающимся въ томъ, что „вопросъ материальной культуры... не приходится изслѣдовывать въ общей формѣ, какъ соціально-культурная задача“ (sic!), а „вопросы идеологии“, напротивъ, „всегда тяготѣютъ къ системѣ, къ единству“. Что на дѣлѣ далеко не всякая „идеология“ тяготѣетъ къ системѣ, къ единству*, а бываютъ и безсистемные, тяготѣющія къ мѣщанскому эклектизму, это, впрочемъ, не стоитъ и доказывать, ибо идеология г. Богданова сама служить нагляднымъ примѣромъ такой безсистемности и эклектизма. А что включеніе въ духовную культуру и художественное творчество и „политическихъ отношеній“ представлять собою не определеніе, а кашеобразное сочетаніе разныхъ понятій и признаковъ, это тоже довольно ясно. Взять хотя бы, напримѣръ, международный торговый договоръ или международный почтовый тарифъ: эти явленія входятъ въ понятіе политическихъ отношеній, но врядъ ли ихъ можно включить (безъ искусственного расширения понятія) въ „духовную культуру“. Подобныхъ примѣровъ можно привести тысячи.

Но дѣло не въ этомъ, въ концѣ концовъ, а просто въ томъ, что г. Богдановъ „своимъ умомъ дошелъ“ до „особаго“ пониманія генезиса „идеологии“ и пользуется темой о культурѣ лишь для того, чтобы еще разъ повторить то, что онъ много разъ и не очень успѣшио старался доказать. Духовная культура или (что то же для г. Богданова) идеология есть „организующая форма“ соціальной жизни, — говорить г. Богдановъ. По существу, это то же самое, что, напримѣръ, говорять буржуазные

юристы въ учебникахъ правовѣдѣнія, описывая „право“, какъ „совокупности юридическихъ формъ, опредѣляющихъ отношенія между людьми“. Определеніе — пустое, чисто формальное, и, если его раскрыть, то оно превращается въ простую тавтологію. Но въ такомъ определеніи, кромѣ того, есть несомнѣнныи доказательства (противопоставленіе „организующаго“ начала „организуемому“ содержанию), и г. Богдановъ въ правѣ считать это чѣмъ угодно, но не эмпиріо-монизмомъ. Слово „монизмъ“ тутъ не при чемъ. Впрочемъ, г. Богдановъ и самъ предвидитъ (см. стр. 22 его брошюры) указаніе на даулистичность его определенія „культуры“ (= „идеологии“), но считаетъ „безспорнымъ“ и „обязательнымъ“ такое определеніе, потому, видите ли, что на такой точкѣ зрения „основана и вся современная биологическая точка зрения и соціально-научная“. Всѣ, дескать, ученые буржуазныи профессора такъ же думаютъ, — чего жъ вы отъ меня хотите?

Мы, марксисты, ничего не хотимъ, въ сущности, отъ г. Богданова, кромѣ того, чтобы онъ не выдавалъ съ такой претенциозностью свои взгляды за „истинно-пролетарскіе“.

Представленіе о духовной культурѣ, какъ о соціально организующей формѣ, даетъ г. Богданову опору для слѣдующей „естественной и понятной“ будто бы формулировки исторического развитія культуры: „Естественно и понятно, — пишетъ г. Богдановъ, — что коллективы, различные по всей совокупности условий своего существованія, равно какъ и по своимъ интересамъ, по своимъ стремленіямъ, нуждаются для своей организаціи въ несходныхъ формахъ (!) культуры“. И въ подтвержденіе приводится примѣръ наивно-религіозного мировоззрѣнія феодаловъ, не подходящаго для организаціи пролетариата машинального производства. Но этотъ примѣръ какъ разъ и быть самого г. Богданова, разбивая его пустое, чисто формальное и словесное пониманіе культуры. Вѣдь, вопросъ о культурѣ сводится не къ формѣ, а къ классовому содержанию различныхъ историческихъ культуръ. И разница между наивной религіей феодала и матеріализмомъ передового пролетариата есть разница во всѣхъ формальныхъ свойствахъ.

Давши пустое определеніе основного понятія, авторъ затѣмъ столь же пусто опредѣлять и два историческихъ типа культуры — культуру феодального общества и культуру буржуазнаго. Каутскій въ небольшой статьѣ своей о классахъ и партіяхъ,

напечатанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Neue Zeit“ (руссскій переводъ въ сборникѣ „Очер. проблемы междунар. соціализма“), даль въ тысячи разъ болѣе конкретную и ясную характеристику классовыхъ „идеологій“, и жаль, что г. Богдановъ, повидимому, не читалъ этой статьи,—она избила бы его отъ печальной необходимости писать пустяки.

Что касается главной части книжки, то она производить, во-первыхъ, не серьезное, а, во-вторыхъ, непріятное впечатлѣніе. Не серьезны разсужденія автора потому, что онъ обходитъ (или, быть можетъ, даже не понимаетъ) основной вопросъ—о связи между духовной культурой и ея материальными базисомъ. Повидимому, для г. Богданова даже не существуетъ — обычно наиболѣе важного для соціалистовъ — вопроса объ эконоческой подоплекѣ культурныхъ цѣнностей и ихъ выработки. Ему кажется „страннымъ“ указание на то, что пролетаріатъ въ современномъ обществѣ, т.-е. въ времени, ограниченъ въ созиданіи своихъ культурныхъ цѣнностей материальными условіями производственныхъ отношеній и своего классового положенія (указаніе это сдѣлано было еще Каутскимъ въ „Эрфуртск. программѣ“ и два года тому назадъ въ нѣсколько иной постановкѣ повторено Розой Люксембургъ въ статьѣ: „Rozwój i postęp w marksimie“ — въ краковскомъ журнале „Przeglad Socjaldemokratyczny“). Слѣдуя примѣру буржуазныхъ метафизиковъ-идеалистовъ, г. Богдановъ, несомнѣнно, тоже склоненъ думать, что „духовная культура“ свободна отъ давленія такихъ „пустяковъ“, какъ экономическая сила; „иден“ — свободны и ни отъ чего не зависимы! Попутно г. Богдановъ жалуется на „діалектическихъ материалистовъ“, т.-е. марксистовъ, за то, что они злоумышленно сковываютъ „истинно-пролетарское“ творчество въ области марксистской философіи, „щательно охраняя отъ попытокъ такого ся развитія, которое могло бы повлечь за собою критику самихъ ея основъ“. Жалоба, согласитесь, странная! Хороши „попытки развития“ марксизма, которая направлены на разрушение „самыхъ основъ“ „развивааемаго“. Конечно, для марксизма никакія попытки „разрушенія“ (особенно со стороны г. Богданова) не страшны, но щелкать по лбу тѣхъ, кто желаетъ въ такомъ духѣ „развивать“ основы марксистского ученія, въ правѣ каждый марксистъ. Жаловаться и обижаться тутъ не на что, — самъ полѣзъ!

Но гораздо хуже то, что г. Богда-

новъ для удобства полемики и легко-
сти писанія брошюре фальсифицируетъ мысли марксистовъ. Ихъ взглядъ на зависимость „культуры“ отъ „экономики“ онъ изображаетъ, какъ утвержденіе, будто пролетаріату и нѣть необходимости создавать новое культурное содержаніе, какъ „глубокое недовѣріе къ его творческимъ силамъ“, какъ „весьма низкую оценку культурно-творческихъ способностей рабочаго класса“, какъ „опеку“ надъ нимъ со стороны теоретиковъ марксизма и т. д. Это пошло и противно, ибо демагогично до подхалимства. Вѣдь, вы, г. Богдановъ, все-таки не къ „Раисъ же Павловъ“ Гурмыжской обращаетесь, а къ рабочимъ! Въ лучшемъ случаѣ вы уподобляетесь народолюбивымъ дамамъ старого времени, уверявшимъ, что мужикъ — „святъ“, что въ немъ уже теперь — истинная „правда“; въ худшемъ же случаѣ вы просто придерживаетесь „придворнаго“ правила: польсти — польсти! Но лесть и подхалимство пролетаріату не нужны. Да отъ нихъ даже и не пролетарія стошнить, особенно ежели они примѣняются въ такомъ количествѣ, какъ вы это дѣлаете. Неприлично это, — бросьте эту манеру!

Въ заключеніе г. Богдановъ призываетъ пролетаріатъ не слушать „марксистовъ“ и немедленно приняться за создание своей „науки“ (въ томъ числѣ пролетарскаго естествознанія и пролетарской математики), своего искусства и т. д. Марксистская же наука г. Богданову не по душѣ, потому что она, видите ли, выясняетъ больше связь идеи съ классовыми интересами, т.-е. съ „выгодностью“ ихъ для того или иного класса, тогда какъ надо связывать ихъ съ классовыми способами мышленія". Здѣсь все — характерно: и вульгарно-лавочническое пониманіе великой идеи о „классовыхъ интересахъ“, какъ узкой „выгоды“ (это выходитъ вродѣ того, какъ мѣщанки выражаются: „И какой мнѣ въ этомъ „антрѣ“!“), и подмѣна активнаго понятія классовыхъ интересовъ, т.-е. классовой борьбы, пассивнымъ понятіемъ „способа мышленія“.

Если прибавить къ этому, что наряду съ увѣреніями, будто пролетаріатъ уже и въ капиталистическомъ обществѣ создастъ свою „культуру“, г. Богдановъ неоднократно подчеркиваетъ что это произойдетъ черезъ „накопленіе неуловимо малыхъ величинъ“, то бернштейніанско-культурегерской смыслъ „новой“ культурной проповѣди ясенъ. И я не удивлюсь, ежели г. Поссе, взывающій уже давно къ „братьямъ-рабочимъ“ о томъ, чтобы

они не пили вина, не курили папиросъ, чистили зубы щеткой и носили фланелевые набрюшки, протянуть руку г-ну Богданову и возсоединится съ нимъ для "неуловимо малаго" культурного творчества.

Долженъ еще отмѣтить непріятную склонность г-на Богданова приводить (въ качествѣ живого примѣра "пролетарской культуры", что ли?) факты изъ своей біографіи, вродѣ того, напр., что какъ-то еще давно онъ былъ въ какой-то организации и члены ея хотѣли его исключить за то, что онъ храбро объявилъ свое отрицаніе "нравственныхъ принциповъ", какъ "социальнаго фетиша"; къ счастью для г. Богданова, онъ "только по счастливой случайности успѣлъ, поругавшись съ руководителями, по собственной инициативѣ уйти изъ организаціи" и т. д. (стр. 82). Ну, удалось самому уйти, и слава Богу! Зачѣмъ же публикѣ-то объ этомъ рассказывать, да еще въ видѣ иллюстраціи къ созиданію пролетарской культуры. Въ другомъ мѣстѣ г. Богдановъ, говоря о недавно организованныхъ одна задругой двухъ марксистскихъ "школахъ для рабочихъ, наивно и съ несомнѣнными прикрасами разсказываетъ о тѣхъ истинно-коллективистическихъ и культурно-пролетарскихъ отношеніяхъ, какія были въ этихъ школахъ между лекторами и слушателями. Были двѣ школы, принесли слушателямъ пользу, сдѣлано было небольшое, но важное, конечно, практическое дѣло. Вотъ и все. А г. Богдановъ размазываетъ благолѣпно-идиллическую картину. Даже неловко становится.

Дѣловые предложенія г. Богданова сводятся къ двумъ проектамъ: къ проекту нового (рабочаго) университета и къ проекту "великой новой энциклопедіи". Суть "новизны" университета, по "идеѣ" г. Богданова, будѣть заключаться въ томъ, что тамъ не будеть "идейно-авторитарныхъ" отношений между профессорами и учениками-рабочими, и что ученики будутъ "истинными товарищами" своихъ лекторовъ. А суть новой энциклопедіи въ томъ, что, хотя ее будуть по-старому составлять интеллигенты - теоретики марксизма, но г. Богдановъ посадить ихъ подъ "руководство („фактическое“!) и контроль" ... "чистыхъ представителей класса (подразумѣвается, рабочаго! А.), коренныхъ элементовъ коллектива". А для успѣха писанія "новой энциклопедіи" интеллигентамъ рекомендуется не избѣгать и пользованія буржуазными энциклопедіями и "научно-философскими библиотеками" (специально указывается г. Бог-

дановыемъ парижское изданіе, выходящее подъ редакціей Густава Ле-Бона). Эти библиотеки полезны и для пролетарскихъ "энциклопедистовъ" потому, что ихъ составляютъ какія-то "промежуточные" интеллигентскія группы (расположенные въ промежуткахъ -sic! - между буржуазіей и рабочими классомъ").

Для общей характеристики новой книжки г. Богданова я могу лишь взять его собственные уже слова: "Таковъ индивидуализмъ интеллигента, что онъ непремѣнно долженъ проявить оригинальность мысли".

У Гоголя это сказано, какъ известно, иначе: "своимъ умомъ дошелъ"! Этту похвалу я охотно удѣляю и г. Богданову.

Цѣна книжки (60 коп.) немного высока (особенно съ точки зрѣнія пролетарской культуры), но это лучше. Меньше народу даромъ затратитъ деньги.

Г. Алексинскій.

Освобожденіе крестьянъ. Сборникъ статей. Изд. "Жизнь для всѣхъ". Спб.- Изъ шести статей, содержащихся въ этомъ сборникѣ, особенный интересъ по темѣ представляеть ст. г. Игнатовичъ: "Борьба крестьянъ за свое освобождение", въ которой сдѣлана попытка выяснить отношеніе самихъ крестьянъ къ крѣпостному праву и тѣ формы протеста противъ него со стороны крестьянъ, которыхъ, въ глазахъ автора, являются факторомъ, подготовившимъ ихъ освобожденіе и вліявшимъ на ходъ самого дѣла освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Переbrавъ всѣ формы такого протеста въ николаевское время, какъ-то: жалобы крестьянъ, ихъ побѣги, поджоги помѣщицъ усадебъ, убийства и всякаго рода расправы съ помѣщиками и вотчинными властями, авторъ отмѣтилъ рядъ такъ называемыхъ волнений или - вѣрѣ - неповиновеній крестьянъ помѣщицѣ власти за періодъ съ 1826 г. по 1854 г. на основаніи извѣстнаго уже въ печати материала, и приходитъ къ заключенію, что "волненія николаевского времени, разросшись въ количествѣ, не углубились, однако, ни по силѣ сопротивленія ни по сплоченности населения. Они попрежнему были мирны по формѣ, слабы по силѣ сопротивленія, крайне разрознены и рѣдко выходили за предѣлы отдѣльныхъ крѣпостныхъ ячеекъ" (стр. 41). Очевидно, борьбы въ тѣсномъ смыслѣ слова не было, а были вызывавшіяся эксцессами крѣпостного права отраженія со стороны крестьянъ въ случаяхъ злоупотребленій помѣщицѣю властью.